

Ю.В. Козубенко ¹

¹ д.ю.н., профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова, начальник управления международного сотрудничества, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: 0000-0002-1725-124X; e-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения и взаимосвязи уголовной ответственности и уголовного преследования как уголовно-правового и уголовно-процессуального правоотношений. Цель работы – на основе анализа общей теории правоотношений определить моменты возникновения и прекращения исследуемых правовых институтов. Методологическая основа исследования включает диалектико-материалистический подход, общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный, логический) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой). Авторы критически переосмысливают учение о правоотношении, подвергая сомнению допустимость двойного толкования его структуры, предложенную С.С. Алексеевым, и обосновывают необходимость разграничения правоотношения как средства правового регулирования и фактического отношения, составляющего его предмет. На основе конституционного принципа презумпции невиновности и анализа норм УК РФ и УПК РФ делается вывод, что уголовная ответственность как правоотношение возникает исключительно с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда, а не с момента совершения преступления или привлечения лица в качестве обвиняемого. Уголовное преследование, напротив, возникает на более ранних стадиях процесса, а меры процессуального принуждения входят в его структуру, но не являются формой реализации уголовной ответственности. Результаты работы имеют значение для правильного понимания соотношения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов, а также для практического применения норм о давности, судимости и зачете предварительного заключения.

Ключевые слова: правоотношение, средство правового регулирования, обвинительный приговор, уголовная ответственность, уголовное преследование.

Введение

Переходя к рассмотрению вопроса о соотношении и взаимосвязи уголовной ответственности и уголовного преследования как уголовно-правового и уголовно-процессуального правоотношений, следует прежде всего отметить, что связь уголовно-правовых отношений с уголовно-процессуальными, как и соотношение между ними, определяются главным образом некоторыми особенностями норм материального уголовного права. Эти особенности выражаются в том, что для своей реализации, для своего применения они, как

правило, нуждаются в процессуальных нормах. Без этих последних, без их применения нормы уголовного права не реализуются, не действуют. В свое время довольно оригинально высказался по этому поводу А.Д. Прошляков: «Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право – это тело, душа и воля. Тело без души мертво, душа без тела призрак, а отсутствие воли может привести живой организм к параличу» [1, с. 34].

Однако когда речь идет о нормах других отраслей материального права, например, гражданского, то они для своего применения, для своей реализации не нуждаются в нормах

процессуального права. Такая необходимость возникает лишь тогда, когда указанные нормы нарушаются, когда возникает необходимость в судебной защите нарушенного права.

Поскольку нормы уголовного права в большинстве случаев нуждаются для своего применения в нормах процессуального права, постольку правоотношения, возникающие при применении норм материального уголовного права, также нуждаются в уголовно-процессуальных отношениях. Думается, именно в этом следует искать разрешение вопроса о связи, о соотношении между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями. Эта связь, как верно заметил А.Л. Ривлин, «выражается в том, что уголовно-правовые отношения реализуются обычно через уголовно-процессуальные, а эти последние возникают и получают свое развитие лишь в связи с уголовно-правовыми отношениями» [2, с. 111].

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляет диалектико-материалистический подход к познанию социально-правовых явлений, предполагающий рассмотрение уголовной ответственности и уголовного преследования в их взаимосвязи, развитии и противоречивости. В работе использованы общенаучные методы: анализ и синтез – при изучении доктринальных подходов к природе правоотношения; системно-структурный метод – для определения места уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в механизме правового регулирования; логический метод – при выявлении временных границ возникновения и прекращения исследуемых правоотношений.

Частно-научные методы включают формально-юридический – для толкования норм Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ (ст. 3, 72) и Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 97, 108, 308); сравнительно-правовой – при сопоставлении позиций различных авторов по вопросам момента возникновения ответственности и преследования; историко-правовой – для анализа эволюции взглядов на теорию правоотношений в советский и постсоветский периоды.

Эмпирическую базу составили материалы судебной практики (Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1973 г., отдельные примеры из следственной практики). Теоретической основой послужили труды ведущих ученых в области общей теории права (С.С. Алексеев, Ю.К. Толстой), уголовного права (Я.М. Брайнин, Н.А. Огурцов, А.В. Наумов, В.С. Прохоров и др.) и уголовного процесса (М.С. Строгович, А.Л. Ривлин, З.Д. Еникеев). Использование комплекса указанных методов позволило провести всесторонний критический анализ существующих концепций и обосновать авторскую позицию о моменте возникновения уголовной ответственности.

Результаты и обсуждение

Выше мы уже отметили, что и уголовная ответственность, и уголовное преследование проявляются как правоотношения, и поэтому возникновение, развитие, прекращение ответственности и преследования совпадают с теми же этапами правоотношения. Однако чтобы не смешать эти два типа (правовые и процессуальные) правоотношения, в научных и практических целях важно точно установить моменты начала и прекращения, во-первых, уголовной ответственности, во-вторых, уголовного преследования. Установление этих временных границ предопределяет конструкцию таких, например, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов, как давность уголовного преследования, снятие судимости, и имеет большое значение для решения таких уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов, как совокупность преступлений и совокупность приговоров, прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования и т. д. Однако в литературе высказаны разные мнения о моменте возникновения преследования и ответственности. Думается, главный источник существования таких споров – различное понимание природы правоотношения, и в первую очередь, что мы имеем в виду, когда говорим о правоотношении как таковом.

Представляется истинным положение, согласно которому уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения «не только самостоятельны, но и не

соотносятся друг с другом как содержание и форма» [3, с. 21]. Однако, разделяя данный подход, следует обратить внимание на то, что нередко в юридической литературе под регулируемым уголовным правом отношениями понимается фактически само преступное деяние, хотя одними авторами оно обозначается как предмет, а другими – как некоторого рода антисоциальное отношение [4, с. 109].

Уже только одно то, что регулируемые материальным и процессуальным уголовным правом отношения воспринимаются столь оригинально с точки зрения их полезности для общества, дает основание судить об уровне теоретической разработанности проблемы. Но эта оригинальность может быть объяснена достаточно просто, если принять за отправной пункт тезис: «Преступление есть отношение лица к окружающим». Вполне логично допустить, что именно такого рода отношение (преступление) как раз и выступает юридическим фактом, обуславливающим возникновение какого-то иного отношения (государства к преступнику). Стало быть, не видя оснований для характеристики антисоциальных отношений в качестве не того, что составляет социальную суть самого преступления, а того, что оно порождает, нужно подчеркнуть: какой бы точке зрения на этот счет ни отдавалось предпочтение, она в любом случае подразумевает под предметом материального и процессуального уголовного права отношения, однако не те, которые порождают отношения, требующие правового регулирования, а те, которые непосредственно подвергаются такому регулированию. Подменить один вид отношения другим – значит не только назвать общественно полезные отношения отношениями противоположного свойства (антисоциальными), но и создать неразрешимую проблему в понимании структуры, в данном случае, уголовно-правовых отношений. То, как вправе или обязан вести себя индивид по отношению к другим людям, – сфера регулирования всей системы социальных норм, в том числе норм права. Когда же лицом игнорируются требования социальных норм и совершается опасный для окружающих поступок, то возникает, если можно так выразиться,

ответное отношение (реакция) общества к самому виновному, и именно оно – ответное отношение – требует своей нормативной определенности как в основаниях возникновения, так и в содержании, целях и т. д. И то, что в теоретическом плане такая определенность больше похожа на свою противоположность, в некоторой степени может быть объяснено отождествлением уголовно-правового отношения не только с уголовно-процессуальным, но и антисоциальным преступным отношением.

Однако опять же повторимся, что в науке на этот счет существует множество мнений. К примеру, «если признать, что правоотношение вообще и уголовно-правовое отношение как его разновидность есть правовая связь между субъектами, характеризующаяся наличием соответствующих друг другу прав и обязанностей, то, естественно, моментом возникновения таких прав и обязанностей и будет момент возникновения правоотношения, и ничего иного для его возникновения не требуется. Если под правоотношением понимать несколько иное, скажем, рассматривать его в качестве особого идеологического отношения, возникающего как результат воздействия права на поведение людей, то столь же естественно исключается возможность связывать уголовно-правовое отношение с фактом совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. При таком понимании правоотношения норма уголовного права и преступление – предпосылки возникновения уголовно-правового отношения. Они создают права и обязанности, но не само уголовно-правовое отношение... чтобы стать действительным правоотношением, оно, как и каждое общественное отношение, должно воплотиться в деятельности» [5, с. 98]. С данным суждением можно согласиться лишь в части, касающейся представлений об источнике, порождающем отсутствие в науке единства взглядов на момент возникновения уголовных правоотношений, но вряд ли следует согласиться с таким представлением о действительной природе правового отношения, а точнее, того общественного отношения, которое возникает вследствие совершения преступления. Конечно, эта

проблема не столько уголовно-правовая или уголовно-процессуальная, сколько общеправовая, и сам факт того, что представители отдельной отрасли права в своих воззрениях ориентируются на положения, сформулированные в общей теории, возражений вызывать не должен. Однако можно ли в настоящее время считать данную теорию безупречной? Думается, что нет. Более того, позволим себе заметить, что большинство положений общей теории правоотношений требует серьезного переосмысления.

В первую очередь это касается часто экстраполируемой в уголовно-правовую и уголовно-процессуальную область знаний идеи допустимости двойного толкования структуры правоотношения. В изложении ее сторонника С.С. Алексеева суть данной идеи такова: «Если рассматривать правоотношение только как идеологическую форму, то в этом случае ему свойственно чисто юридическое содержание, складывающееся лишь из субъективных прав и обязанностей. Ничего иного в правоотношении как особой идеологической форме нет и быть не может... По-иному характеризуется строение правоотношения, если оно понимается как единство фактического материального содержания и юридической формы. В этом случае в правоотношении наряду с субъективными юридическими правами и обязанностями (составляющими его юридическое содержание) могут быть выделены еще два основных элемента: субъекты права и его объекты. Кроме того, в данном случае обособляется материальное содержание правоотношения». Поясняя необходимость второго, широкого подхода и обозначая в этой связи основными элементами структуры правоотношения его «содержание» (материальное – поведение субъектов и юридическое – субъективные права и обязанности), «субъекты права» (т. е. участники правоотношения) и «объекты правоотношения», автор пишет, что стремление выйти за пределы юридической формы продиктовано не только практическими соображениями, задачами полного анализа субъективных юридических и обязанностей, но прежде всего диалектико-материалистической концепцией

правоотношения, неразрывной связью юридической формы в правоотношении с ее фактическим содержанием [6, С. 94-95]. Заметим также, что, по мнению С.С. Алексеева, понимаемый таким образом «состав правоотношения» в полной мере соответствует сложившимся в юриспруденции научным традициям и словоупотреблению («фактический состав», «состав правонарушения») и т. д. [7].

Думается, что для обоснования столь неоднозначного толкования структуры правоотношения приведенных автором аргументов явно недостаточно. Конечно, нужно считаться с научными традициями и принятым словоупотреблением, но только не как с доказательством истинности суждений. Можно также согласиться с актуальностью для правоведения задачи анализа субъективных прав и юридических обязанностей, но это не довод для выбора того или иного подхода в ее решении. Трудно возразить что-либо и против концептуального диалектико-материалистического положения о неразрывности взаимосвязи формы и содержания как таковых. Только не свидетельствует ли данное положение об обратном – о недопустимости рассмотрения структуры правоотношения одновременно как связи субъективных прав и обязанностей, и как единства фактического и юридического? О неразрывной взаимосвязи формы и содержания можно говорить лишь применительно к некоторого рода целому, а не к форме какого-то одного и содержанию другого целого, и стало быть, сначала нужно доказать, что юридическое и фактическое могут быть рассмотрены в качестве не только взаимообусловленного, но и целого. Во-вторых, с позиций философии, о какой взаимосвязи содержания и формы может идти речь, если в рамках одной концепции одного и того же автора правоотношение интерпретируется то как идеологическая форма, имеющая исключительно юридическое содержание, то как единство фактического материального содержания и юридической формы, то как юридическое и материальное, представляющее различные стороны и стадии (состояния) единого содержания, одна из которых выступает в виде возможности (юридическое содержание),

а другая в виде действительности (материальное содержание).

Можно, конечно, принять во внимание то, что в учении о правоотношении философские категории содержания и формы используются в ином, чем в юриспруденции, смысле. Однако то же самое имеет место и при анализе каждого элемента правоотношения [8]. Между тем скорее всего некорректное применение категорий диалектики не вопрос выбора терминологии, а свидетельство небесспорности самой теории, ее основных положений. Даже допустив возможность условного толкования содержания и формы, учение о правоотношениях не может претендовать на роль научной теории без уяснения их содержания и формы в философском понимании. Кроме того, остается не совсем ясным, почему нужно говорить об условности, а не наоборот, о безусловности положения о том, что правоотношение и отношение, которое регулируется нормами права и принадлежит к числу реальных, фактических, представляют собой различные явления [9]. В этом случае правоотношение – средство правового регулирования.

Это особенно важно иметь в виду при решении вопросов, касающихся момента возникновения отношений. Одно дело, когда, встав на точку зрения С.С. Алексеева, о единстве правовой формы и фактического содержания правоотношений, мы утверждаем, что они первоначально возникают без определенного фактического материального содержания, а затем, при совершении положительных действий, юридическая форма обретает это содержание, и тем самым достигается цель правового регулирования – складывается в полном объеме фактическое отношение, которого раньше не было [7, с. 97]. Думается, что при таком подходе к решению вопроса ни о какой неразрывной связи формы и содержания правоотношения не приходится говорить. И совсем другое – когда о связи содержания и формы речь идет применительно к разным понятиям, отдельно к фактическому отношению, составляющему предмет регулирования, и к правоотношению как средству регулирования. Естественно, обособить одно понятие от другого нужно не только для того, чтобы исключить

существование формы без содержания, или, напротив, неоформленного содержания, но и для того, чтобы иметь возможность рассматривать основные – общеправовые и отраслевые – проблемы юриспруденции в ракурсе взаимодействия фактического и юридического, сущего и должного.

Один из вопросов, возникающий при осмыслении такого взаимодействия, – вопрос о соответствии «строения» фактического отношения и правоотношения. Поскольку в обоих случаях мы имеем дело с некоторого рода отношениями, то вполне логично предположить, что его онтологический и гносеологический «составы» должны быть сходными. Определяя права и обязанности участников, законодатель создает конструкцию, признаки которой в наиболее существенном виде не могут не воспроизводить состав и структуру регулируемого отношения, ибо в противном случае адресат не сможет соотнести юридическую конструкцию с описываемой ею реальностью. Важно, что при этом о сходстве «строения» допустимо говорить только тогда, когда фактическое отношение сравнивается с правоотношением, а не с правовой связью как таковой. Отношение, в котором его сторонами мыслятся участники, и связь субъективных прав и обязанностей отнюдь не одно и то же. Проблема как раз в том и состоит, что связь прав и обязанностей есть именно правовая связь, но никак не правоотношение. Споры нет, никакая отрасль юридических знаний не может не проявлять к ней интереса. Но, думается, для этого нет необходимости отождествлять отношение (правоотношение) и связь (правовую связь), ибо такого рода анализ вполне укладывается в рамки представлений о правоотношениях как отношениях, сторонами которых выступают участники, а не что-либо иное. Во всяком случае из двух подходов к «составу» правоотношения один – тот, при котором понятие правоотношения толкуется как идеологическая форма, складывающаяся исключительно из субъективных юридических прав и обязанностей, – вообще не может быть использован при уяснении правоотношения, уголовно-правового в частности, ибо предмет правового регулирования предполагает не правовые

связи, а фактически складывающиеся в обществе отношения. Что же касается второго, более пространного, широкого толкования «состава» правоотношения, то оно, думается, может и, наконец, должно служить основой для уяснения «строения» реально возникающих в обществе отношений, вопрос лишь в том, что положения общей теории права на этот счет во многом небесспорны. Так, к примеру, одной из главных связей, определяющих природу конкретных видов общественных отношений, является связь общественной деятельности и общественных отношений. Данные категории относятся к парным социологическим категориям: общественные отношения есть результат и форма деятельности людей. Единство и соотносимость этих категорий не только позволяет утверждать, что научное объяснение каждой из них с необходимостью предполагает анализ другой, но и требует определять их друг через друга. Логика учит, что предельно широкие категории не могут быть выведены через какие-то не зависящие друг от друга и не связанные взаимно определения путем подведения под еще более широкие категории. Деятельность и общественные отношения в определенном аспекте также можно рассматривать как предельно широкие категории, которые «не только взаимосвязаны и предполагают друг друга... но и при определенных условиях могут переходить одна в другую. Так, деятельность в сфере производства, политики, науки, взятая в аспекте связей, сотрудничества между людьми, выступает как их определенные отношения, а сами экономические, политические и другие отношения, взятые с точки зрения их воздействия на тот или другой объект, - как определенная деятельность» [10]. Именно поэтому в философской литературе справедливо указывается, что основанием дифференциации общественных отношений на виды являются объективно существующие сферы жизнедеятельности людей.

Определение момента возникновения правоотношений

Некритическое восприятие вышеприведенных положений не могло не сказаться на решении вопроса о моменте возникновения уголовно-правовых и

уголовно-процессуальных отношений. В немалой степени именно этим объясняется широкая распространенность мнения о возникновении уголовной ответственности как правоотношения в момент совершения преступления [11]. В подтверждение этой точки зрения ссылаются на то, что совершение общественно опасного деяния есть юридический факт, являющийся основанием возникновения уголовно-правового отношения, что общественно опасное деяние морально оценивается лицом, совершившим его, осознается им как нарушение правовой нормы, что лицо испытывает отрицательную оценку своего поведения, выраженную в правовой норме [12]. И именно с этого момента у данного лица возникает особая обязанность, возлагаемая правовой нормой, нести ответственность за ее нарушение.

Однако такая позиция вызывает, по меньшей мере, ряд сомнений. Во-первых, лицо, совершившее общественно опасное деяние, не во всех случаях может сознавать, что им совершено именно преступное деяние, да еще к тому же и общественно опасное. Навряд ли водитель грузовика (у которого среднее техническое, пусть даже высшее неюридическое образование), сбивший пешехода, представляет себе, что такое общественная опасность. (Ведь эта категория разработана юристами, и поэтому понятна исключительно только им) [13]. Далее, не всегда лицо, даже сознающее, что им совершено преступное деяние, дает правильную оценку своему поведению. И, наконец, главное – уголовно-правовые отношения возникают независимо от субъективного отношения лица, совершившего преступление, к самому факту – нарушению уголовно-правовой нормы. Правоотношение нельзя признавать реально существующим, если не установлены, не персонифицированы конкретные его участники, не определено конкретное содержание этого правоотношения.

Если признать, что уголовная ответственность возникает с момента совершения преступления, то тогда следует признать, что ее одинаково несут или понесли и лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, дело о котором впоследствии оказалось прекращенным, и лицо, в отношении которого

вынесен и исполняется или исполнен обвинительный приговор. На самом деле, характер правоотношений в указанных случаях не равнозначен, не однороден.

Так, М.С. Строгович, касаясь вопроса о соотношении уголовного процесса и уголовного права, утверждает, что «производство по уголовному делу возбуждается и ведется для того, чтобы установить, имеется ли в данном случае действительное (курсив наш. – Ю. К.) уголовно-правовое отношение и какое именно, совершено ли преступление, кто его совершил и какую ответственность он должен нести. В начале производства по делу это уголовно-правовое отношение может быть, и обычно бывает, еще неясно: для того чтобы все это установить, необходимо провести предварительное следствие и судебное разбирательство дела. В ходе расследования и разбирательства дела возникают и развиваются различные уголовно-процессуальные правоотношения; центральное звено среди них занимают уголовно-процессуальные отношения, в которых участвует обвиняемый. По мере возникновения и развития уголовно-процессуальных отношений все более и более проявляется и делается определенным уголовно-правовое отношение, так как устанавливаются все обстоятельства совершенного преступления. Таким образом, уголовно-процессуальные отношения как бы вливаются в русло уголовно-правового отношения и конкретизируют его. Если же в ходе расследования и разбирательства уголовного дела выясняется, что преступление не было совершено, обвиняемый не виновен, тем самым устанавливается отсутствие уголовно-правового отношения, наличие которого ранее предполагалось (курсив наш. – Ю. К.). При вынесении судом обвинительного приговора и вступления этого приговора в законную силу окончательно устанавливается и делается вполне определенным уголовно-правовое отношение. При вынесении же судом и вступлении в законную силу оправдательного приговора окончательно устанавливается и делается вполне определенным отсутствие уголовно-правового отношения (этот же результат наступает и при прекращении дела

следователем, прокурором или судом)» [14, с. 49].

Опять же с суждением автора можно согласиться лишь в части того, что по мере развития уголовно-процессуальных отношений устанавливаются все обстоятельства совершенного преступления и появляется вероятность возникновения уголовно-правового отношения. Однако неверным было бы считать, что уголовно-процессуальные и уголовно-правовые отношения возникают одновременно с момента совершения преступления и параллельно развиваются. Даже если согласиться с тем подходом, что уголовно-правовое отношение (уголовная ответственность) становится действительным в момент привлечения лица в качестве обвиняемого [15, с. 27], то и этот довод, на наш взгляд, неоснователен, более того, он не соответствует закону. Несмотря на существующие примеры из судебной практики [16, с. 10-11], лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, в том числе и то, к которому применена мера пресечения, еще не несет уголовной ответственности. Здесь еще нет уголовно-правовых отношений, здесь только уголовно-процессуальные отношения.

Заключение

Никакие теоретические конструкции не могут поколебать принцип «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

Отступление от конституционного принципа ответственности только в судебном порядке, по приговору суда в любой теоретической концепции уголовной ответственности неизбежно переносит ее начало (или начало ее реализации) на ту или иную досудебную стадию уголовного процесса, что придает последнему совершенно несвойственную ему в правовом государстве функцию - выступать в качестве орудия карательного воздействия, а на органы дознания и следствия возлагает вместо функции уголовного преследования не

принадлежащую им функцию осуществления правосудия. Это действительно так, поскольку сторонники такого подхода видят, как правило, начало реализации уголовной ответственности в привлечении лица в качестве обвиняемого и в применении вслед за тем таких мер принуждения, как временное отстранение от должности, заключение под стражу и т. п.

Н.А. Огурцов, например, полагает, что уголовная ответственность начинается там, где начинается государственное принуждение как последствие совершенного преступления [17, с. 161]. По мнению В.А. Якушина, если бы «некоторые меры пресечения не входили в содержание уголовной ответственности, то уголовный закон не учитывал период их применения при исчислении сроков наказания - ч. 3 ст. 72 УК РФ» [18, с. 21] А.В. Наумов считает, что меры пресечения, применяемые к подозреваемому и обвиняемому (арест, подписка о невыезде и др.), хотя и носят процессуальный характер, «однако они могут стать составной частью уголовной ответственности в материально-правовом смысле», поскольку «когда вина обвиняемого будет подтверждена обвинительным приговором, применяемые к нему меры процессуального принуждения превращаются (курсив наш. - Ю. К.) в составную часть уголовной ответственности» [19, с. 247].

Однако, на наш взгляд, любые процессуальные действия, производимые следователем в ходе предварительного расследования: возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, избрание мер пресечения - все эти и другие процессуальные действия есть средство защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но никак не реализация уголовной ответственности.

Да, действительно, процессуальные меры пресечения существенным образом ограничивают права и свободы обвиняемого. Несомненно, и то, что содержание меры пресечения — заключение под стражу — связано с такими суровыми правоограничениями, которые не присущи многим мерам уголовно-правового воздействия. Следует согласиться и с тем, что

фактическое применение мер пресечения может привести к исправлению преступника.

Однако меры пресечения не могут считаться ни уголовной ответственностью, ни уголовной ответственностью в процессуальном смысле, потому что, во-первых, закон прямо указывает, что наказуемость деяния и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным кодексом (ч. 1 ст. 3 УК РФ). В правовой действительности «уголовная ответственность в процессуальном смысле» не имеет права на существование. Меры процессуального принуждения, применяемые за нарушение уголовно-процессуальных норм, являются формой реализации уголовно-процессуальной ответственности, а не уголовно-правовой.

Во-вторых, применение мер уголовно-процессуального принуждения не основывается на осуждении лица, совершившего преступление. Последующее осуждение лица не превращает ранее примененные к нему меры пресечения в тот или иной вид наказания. В правовом государстве только в обвинительном приговоре суда лицо, совершившее преступление, порицается от имени государства, дается оценка его деянию и определяется конкретная мера ответственности за него.

В-третьих, у мер пресечения и уголовной ответственности разные не только нормативные, но и фактические основания, а также социальное предназначение. Уголовная ответственность — следствие совершения преступления, меры пресечения - средство, обеспечивающее эффективность уголовного процесса. Основания для избрания мер пресечения четко указаны в ст. 97 УПК РФ: «При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или будет заниматься преступной деятельностью, или будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожит доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора, дознатель, следователь, прокурор и суд вправе в пределах предоставленных им

полномочий избрать в отношении обвиняемого одну из мер пресечения». Даже в том случае, когда уголовно-процессуальный закон (ч. 2 ст. 108 УПК РФ) позволяет применить меру пресечения - заключение под стражу «по мотивам одной лишь опасности преступления», такая мера, на наш взгляд, должна применяться не за преступление, а в связи с предполагаемым совершением преступления, для того чтобы обеспечить реализацию задач, сформулированных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Именно поэтому во всех случаях применение меры пресечения - право, а не обязанность соответствующих органов. Неприменение мер пресечения означает отсутствие в данном конкретном случае оснований для применения мер пресечения, а не освобождение от них.

В-четвертых, в соответствии с ч. 3 ст. 72 УК РФ период применения мер пресечения не входит в содержание уголовной ответственности, а засчитывается в срок наказания, назначенного по приговору суда. Поэтому, например, лицо считается ранее не отбывавшим лишения свободы даже в том случае, если к нему применялась мера пресечения – заключение под стражу, хотя в соответствии с ч. 3 ст. 72 УК РФ «время содержания лица под стражей до вступления

приговора суда в законную силу засчитывается в сроки содержания в дисциплинарной воинской части из расчета один день за полтора дня, ограничения свободы, принудительных работ и ареста - один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе - один день за три дня, а в срок обязательных работ - из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ». В резолютивной части обвинительного приговора должно быть обязательно указано о зачете предварительного заключения (ч. 9 ст. 308 УПК РФ).

Следовательно, меры, применяемые в отношении обвиняемого для пресечения уклонения от дознания, следствия и суда или для лишения его возможности воспрепятствовать производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ), не являются еще несением уголовной ответственности. Если бы это было несением уголовной ответственности, то не было бы необходимости оговаривать, как засчитывать срок предварительного заключения при вынесении обвинительного приговора. На самом деле, применение мер пресечения (с чем мы полностью согласны) входит в структуру уголовного преследования [20].

Список литературы

- 1 Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. дисс. на соискание уч. степени д.ю.н. – Екатеринбург, 1997. – 208 с.
- 2 Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959, № 2. - С. 105-112.
- 3 Ной И.С. Уголовное правоотношение – одна из важнейших юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан // Личность преступника и уголовная ответственность. Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1979. Вып. 1. – С. 3-28.
- 4 Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков, 1988. – 198 с.
- 5 Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. – 208 с.
- 6 Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве: избранное / Б. Б. Черепяхин; вступ. слово П. В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2024. – 372 с.
- 7 Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Юрид. лит. 1982. – Т. 2. – 360 с.
- 8 Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Новоселов Г.П. – М.: Норма, 2001. – 208 с.
- 9 Толстой Ю.К. К теории правоотношений. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 88 с.
- 10 Общественные отношения. Вопросы общей теории / Под ред. П.А. Рачкова. – М., 1981. – 135 с.
- 11 Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А., и др.; Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – 516 с.
- 12 Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестн. Московского университета. Серия 11. Право, 2000. – № 6. – С. 3-19.
- 13 Никонов В.А. Эффективность общепредупредительного воздействия уголовного наказания. Теоретико-методологическое исследование. Автореф. дис. на соискание уч. степени к.ю.н. – Тюмень, 1994. – 35 с.

- 14 Курс советского уголовного процесса / Строгович М.С.; Отв. ред.: Полянский Н.Н. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.
- 15 Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Брайнин Я.М. – М.: Госюриздат, 1963. – 275 с.
- 16 Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1973. – № 11. – С. 10 – 11.
- 17 Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Учебное пособие / Огурцов Н.А. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1976. – 206 с.
- 18 Якушин В.А. Проблема субъективного вменения в уголовном праве. Автореф. дисс. на соискание уч. степени д.ю.н. – М., 1998. – 50 с.
- 19 Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций / Наумов А.В. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.
- 20 Еникеев З.Д. Уголовное преследование. Учебное пособие. – Уфа: Изд-во БашГУ. 2000. – 131 с.

References

- 1 Proshlyakov A.D. Vzaimosvyaz' material'nogo i protsessual'nogo ugovolnogo prava. diss. na soiskaniye uch. stepeni d.yu.n. – Yekaterinburg, 1997. – 208 s.
- 2 Rivlin A.L. Ob ugovolno-pravovykh i ugovolno-protsessual'nykh otnosheniyakh // Pravovedeniye. - L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959, № 2. - S. 105-112.
- 3 Noy I.S. Ugolovnoye pravootnosheniye – odna iz vazhneyshikh yuridicheskikh garantiy konstitutsionnykh prav i svobod sovetskikh grazhdan // Lichnost' prestupnika i ugovolnaya otvetstvennost'. Mezhdvuzovskiy nauchnyy sbornik. – Saratov, 1979. Vyp. 1. – S. 3-28.
- 4 Tatsiy V.YA. Ob'yekt i predmet prestupleniya v sovetskom ugovolnom prave. – Khar'kov, 1988. – 198 s.
- 5 Prokhorov V.S., Kropachev N.M., Tarbagayev A.N. Mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya: norma, pravootnosheniye, otvetstvennost'. Krasnoyarsk, 1989. – 208 s.
- 6 Cherepakhin B.B. K voprosu o chastnom i publicnom prave: izbrannoye / B. B. Cherepakhin; vstup. slovo P. V. Krashennnikova. – Moskva: Statut, 2024. – 372 s.
- 7 Alekseyev S.S. Obshchaya teoriya prava. – M.: Yurid. lit. 1982. – T. 2. – 360 s.
- 8 Novoselov G.P. Ucheniye ob ob'yekte prestupleniya. Metodologicheskiye aspekty / Novoselov G.P. – M.: Norma, 2001. – 208 c.
- 9 Tolstoy YU.K. K teorii pravootnosheniy. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. – 88 s.
- 10 Obshchestvennyye otnosheniya. Voprosy obshchey teorii / Pod red. P.A. Rachkova. – M., 1981. – 135 s.
- 11 Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast': Uchebnik dlya vuzov / Kovalev M.I., Kozachenko I.YA., Kondrashova T.V., Neznamova Z.A., i dr.; Otв. red.: Kozachenko I.YA., Neznamova Z.A. – M.: Norma, Infra-M, 1998. – 516 c.
- 12 Tkachevskiy YU.M. Ponyatiye ugovolnoy otvetstvennosti, yeye sut' i tseli // Vestn. Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo, 2000. – № 6. – S. 3-19.
- 13 Nikonov V.A. Effektivnost' obshchepredupreditel'nogo vozdeystviya ugovolnogo nakazaniya. Teoretiko-metodologicheskoye issledovaniye. Avtoref. dis. na soiskaniye uch. stepeni k.yu.n. – Tyumen', 1994. – 35 s.
- 14 Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa / Strogovich M.S.; Otв. red.: Polyanskiy N.N. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 703 c.
- 15 Ugolovnaya otvetstvennost' i yeye osnovaniye v sovetskom ugovolnom prave / Braynin YA.M. – M.: Gosyurizdat, 1963. – 275 c.
- 16 Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR 1973. – № 11. – S. 10 – 11.
- 17 Pravootnosheniya i otvetstvennost' v sovetskom ugovolnom prave. Uchebnoye posobiye / Ogurtsov N.A. – Ryazan': Izd-vo RVSH MVD SSSR, 1976. – 206 c.
- 18 Yakushin V.A. Problema sub'yektivnogo vmeneniya v ugovolnom prave. Avtoref. diss. na soiskaniye uch. stepeni d.yu.n. – M., 1998. – 50 s.
- 19 Rossiyskoye ugovolnoye pravo. Obshchaya chast': Kurs lektsiy / Naumov A.V. – M.: BEK, 1996. – 560 c.
- 20 Yenikeev Z.D. Ugolovnoye presledovaniye. Uchebnoye posobiye. – Ufa: Izd-vo BashGU. 2000. – 131 s.

Ю.В. Козубенко ¹

¹ з.ғ.д., П.М. Давыдов атындағы сот қызметі және қылмыстық процесс кафедрасының профессоры, халықаралық ынтымақтастық басқармасының басшысы, В.Ф. Яковлев атындағы Орал мемлекеттік заң университеті (Екатеринбург қ., Ресей)

ORCID ID: 0000-0002-1725-124X; e-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАТЫНАСТАР ТЕОРИЯСЫ ТҮРҒЫСЫНАН ҚЫЛМЫСТЫҚ ЖАУАПТЫЛЫҚ ПЕН ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚУДАЛАУДЫҢ АРАҚАТЫНАСЫ МЕН ӨЗАРА БАЙЛАНЫСЫ

Аңдатпа. Мақала қылмыстық құқықтық және қылмыстық іс жүргізу құқықтық қатынастары ретінде қылмыстық жауаптылық пен қылмыстық қудалаудың арақатынасы мен өзара байланысын

зерттеуге арналған. Жұмыстың мақсаты – құқықтық қатынастардың жалпы теориясын талдау негізінде зерттеліп отырған құқықтық институттардың пайда болу және тоқтатылу сәттерін айқындау. Зерттеудің әдіснамалық негізін диалектикалық-материалистік тәсіл, жалпы ғылыми әдістер (талдау, синтез, жүйелік-құрылымдық, логикалық) және жеке ғылыми әдістер (формальды-заңдық, салыстырмалы-құқықтық, тарихи-құқықтық) құрайды. Авторлар құқықтық қатынас туралы ілімді сыни тұрғыдан қайта пайымдап, С.С. Алексеев ұсынған оның құрылымын екіжақты түсіндірудің жол берілетіндігіне күмән келтіреді және құқықтық қатынасты құқықтық реттеу құралы ретінде, ал нақты қатынасты оның пәні ретінде ажырату қажеттігін негіздейді. Қазақстан Республикасы Конституциясындағы кінәсіздік презумпциясы қағидатына және Ресей Федерациясының Қылмыстық кодексі мен Қылмыстық процесстік кодексі нормаларын талдауға сүйене отырып, қылмыстық жауаптылық құқықтық қатынас ретінде қылмыс жасалған сәттен немесе тұлғаны айыпталушы ретінде тарту сәтінен емес, соттың айыптау үкімі заңды күшіне енген сәттен бастап туындайды деген қорытынды жасалды. Қылмыстық қудалау, керісінше, процесстің ертерек кезеңдерінде туындайды, ал процесстік мәжбүрлеу шаралары оның құрылымына кіреді, бірақ қылмыстық жауаптылықты іске асыру нысаны болып табылмайды. Жұмыстың нәтижелері қылмыстық-құқықтық және қылмыстық іс жүргізу институттарының арақатынасын дұрыс түсіну үшін, сондай-ақ ескіру мерзімі, соттылық және алдын ала қамауда ұстау мерзімін есепке алу нормаларын тәжірибеде қолдану үшін маңызды.

Түйін сөздер: құқықтық қатынас, құқықтық реттеу құралы, айыптау үкімі, қылмыстық жауаптылық, қылмыстық қудалау.

Yu.V. Kozubenko¹

¹ D.I.s., Professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure, Head of the International Cooperation Department, V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)
ORCID ID: 0000-0002-1725-124X; e-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

THE CORRELATION AND INTERRELATIONSHIP BETWEEN CRIMINAL LIABILITY AND CRIMINAL PROSECUTION FROM THE PERSPECTIVE OF THE THEORY OF LEGAL RELATIONS

Abstract. The article is devoted to the study of the correlation and interrelationship between criminal liability and criminal prosecution as criminal law and criminal procedural legal relations. The purpose of the study is to determine, based on the analysis of the general theory of legal relations, the moments of emergence and termination of the legal institutions under consideration. The methodological framework of the research includes the dialectical-materialist approach, general scientific methods (analysis, synthesis, system-structural, logical), and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal, and historical-legal). The authors critically reconsider the doctrine of legal relations, questioning the admissibility of a dual interpretation of its structure proposed by S.S. Alekseev, and substantiate the necessity of distinguishing between a legal relation as a means of legal regulation and a factual relation constituting its subject matter. Based on the constitutional principle of the presumption of innocence and an analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, it is concluded that criminal liability as a legal relation arises exclusively from the moment a court's conviction enters into legal force, rather than from the moment a crime is committed or a person is charged as an accused. Criminal prosecution, on the contrary, arises at earlier stages of the process, and procedural coercive measures form part of its structure but do not constitute a form of the implementation of criminal liability. The findings of the study are significant for a proper understanding of the relationship between criminal law and criminal procedural institutions, as well as for the practical application of provisions on limitation periods, criminal record, and crediting of pre-trial detention.

Keywords: legal relation, means of legal regulation, conviction, criminal liability, criminal prosecution.